

а 34
афъ 83
ка 7

861 *у*
л

MP ^{K-1}
26867

54.837.861
H

ЛОПАРИ И ИХЪ ПРЕДАНІЯ.

Сообщеніе Д. Н. Островскаго.

(Читано въ Отдѣленіи Этнографіи 4 ноября 1888 г.)

Лапландія принадлежитъ тремъ, или, вѣрнѣе, четыремъ государствамъ: Россіи, Финляндіи, Швеціи и Норвегіи и называется: Лопская земля, Финскій Лапмаркенъ, Шведскій Лапмаркенъ и Финмаркенъ. Пространство Лапландіи опредѣляется приблизительно въ 10.000 $\square$ миль, лопарей же не насчитывается и 30.000 человѣкъ: на долю Россіи ихъ приходится около 2000 ч., Финляндіи 1000 съ небольшимъ, въ Швеціи ихъ живетъ до 7000 и въ Норвегіи 17—18 тысячъ.

Такимъ образомъ, всего болѣе лопарей приходится на долю Норвегіи и нигдѣ вниманіе правительства и людей науки не обращено такъ много на изученіе быта лопарей, какъ въ этой странѣ. Примѣръ: капитальные труды профессора Королевскаго Университета въ Христіаніи г. Фриза Lappisk Mythologi, Eventyr & Folkesagn, выпущенный въ свѣтъ въ 1871 году и Lexicon Lapponicum, въ 6 частяхъ, изданный въ 1885 году и вышедшее въ 1887 г. собраніе сказокъ Quigstad & Sandberg.

Приходя по моей службѣ въ довольно близкія сношенія съ лопарями, я считаю своей обязанностью представить просвѣщенному вниманію Географическаго Общества тотъ матерьялъ, который у меня собрался на основаніи моего личнаго опыта, на основаніи знакомства съ норвежскою литературой, а также переданъ мнѣ самоотверженнымъ труженикомъ Сѣвера и большимъ знатокомъ лопарей, настоятелемъ нашей пограничной церкви св. Бориса и Глѣба свящ. Константиномъ Щеколдинымъ.

Лопари по роду своихъ занятій и по образу своей жизни раздѣляются на двѣ главныя группы: 1) кочующихъ, т. е. живущихъ исключительно оленеводствомъ и 2) полуосѣдлыхъ, т. е. дополняющихъ потребности своего быта морскими и рѣчными рыбными промыслами, помимо оленеводства. Почти всѣ шведскіе лопари кочующіе, между ними и сохраняются больше всего преданія и сказки, норвежскіе лопари—полуосѣдлые и лопари фичляндскіе, за весьма малымъ исключеніемъ, вполнѣ осѣдлые. Вблизи Учюка я встрѣчалъ лопарей, живущихъ исключительно рыболовствомъ (въ р. Танѣ) и скотоводствомъ и вовсе неимѣющихъ оленей и даже ѣздящихъ на быкахъ.

Лопари норвежскіе, благодаря заботамъ о нихъ норвежскаго правительства, стоятъ на сравнительно высокой степени развитія. Они всѣ грамотны; для нихъ существуютъ особыя подвижныя школы съ учителями лопарями. Изъ ихъ среды уже выходятъ лица, имѣющія вполнѣ европейскій видъ и ведущія вполнѣ культурный образъ жизни. Наши лопари всѣ неграмотные; только въ нынѣшнемъ году, въ февралѣ мѣсяцѣ, для пазрѣцкихъ пограничныхъ лопарей построена первая школа, дающая самыя отрадные успѣхи.

Многіе изъ нашихъ лопарей, пользуясь угодыми Кольскаго полуострова, достигли замѣчательной степени благосостоянія (за исключеніемъ, впрочемъ, лопарей, живущихъ близъ границы: печенскихъ и пазрѣцкихъ). Нынѣшній годъ, посѣщая Мурманскій берегъ, я заѣхалъ въ Мотовскій заливъ и здѣсь, въ губѣ Китовкѣ встрѣтилъ Кильдинскихъ лопарей. Я былъ пораженъ опрятнымъ видомъ ихъ, ихъ жилищъ и вполнѣ свободною, правильною русскою рѣчью. Зимой эти лопари живутъ близъ Колы въ такъ называемомъ Кильдинскомъ погостѣ, благосостояніе котораго, по отзывамъ людей знающихъ, далеко превышаетъ благосостояніе самаго города Колы. Лѣтомъ, они приходятъ въ Китовку промыслять рыбу. Между ними здѣсь живетъ лѣтомъ кольскій купецъ Хипагинъ, скупающій у нихъ треску и семгу.

Лопари, живущіе въ Китовкѣ, кромѣ занятія промыслами, содержатъ здѣсь почтовую станцію. По пріѣздѣ въ Китовку намъ отвели въ одной изъ тупъ чистую комнату въ два окна, подали самоваръ, чайникъ, чашки, сливки, хозяйка сварила прекрасную уху изъ семги. Во время нашего чаепитія, въ комнату собралось болѣе десятка лопарей, одѣтыхъ въ чернаго сукна сюртуки, такіе же панталоны, ботинки и пуховыя шляпы. Нѣкоторые имѣли при себѣ серебрянныя часы. Они пришли повидаться

съ моимъ спутникомъ, а ихъ старымъ другомъ, священникомъ Щеколдинымъ. Они подали намъ руки, чинно усѣлись на лавки и долго и подробно разспрашивали г. Щеколдина объ его жизни въ теперешнемъ Пазрѣцкомъ приходѣ. Затѣмъ гурьбой проводили насъ въ станціонную лодку, въ которой уже сидѣли пять гребцовъ лопарей, взявшихся доставить насъ на другую сторону Мотовскаго залива, въ гавань Озерки, а оттуда въ губу Земляную. При отъѣздѣ нашемъ, лопари, стоявшіе на берегу, сдѣлали намъ прощальныя выстрѣлы изъ ружей, на что мы отвѣчали тѣмъ же.

У этихъ лопарей оленеводство уже считается не главнымъ, а дополнительнымъ занятіемъ. Какъ примѣръ того полуосѣдлаго быта, который ведутъ наши лопари, я приведу описаніе довольно близко знакомаго мнѣ образа жизни нашихъ пограничныхъ пазрѣцкихъ лопарей.

Зимою лопари живутъ въ тундрѣ, въ „Зимнемъ погостѣ“, представляющемъ собою нѣсколько маленькихъ домиковъ, „тупь“, разбросанныхъ на берегу рѣки вблизи моховыхъ пастбищъ для оленей.

Въ настоящее время пазрѣцкій зимній погостъ стоитъ верстахъ въ 30 отъ церкви Бориса и Глѣба, на берегу Колосъ Токи. Здѣсь же построена и школа для дѣтей.

На Крещенье лопари пріѣзжаютъ къ церкви Бориса и Глѣба для крещенія дѣтей, игры свадебъ. Въ началѣ феврала занимаются вырубкою и вывозкою дровъ чрезъ озеро Чалмо въ Норвегію, въ Долгую губу и на Кить-озеро для сплава по Пазрѣкѣ. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля пріѣзжаютъ снова къ Борису и Глѣбу и весь апрѣль проходитъ въ дѣлежѣ оленей. Въ концѣ апрѣля мужчины уходятъ на море для лова трески, а женщины остаются у церкви для приготовленія семужьихъ сѣтей. Съ моря лопари возвращаются около 20 мая, послѣ чего забираютъ своихъ женъ съ дѣтьми и везутъ на семужьи тони, предоставленныя имъ въ норвежскихъ водахъ договоромъ 1834 года. Ловомъ семги занимаются женщины, а мужчины отправляются снова на тресковый и сайдяной промыслы. Промышляютъ семгу гарвами до 29 іюня, а неводомъ тикду и кумжу (мелкую семгу) до 15 іюля. Съ 15 іюля лопари начинаютъ собираться къ Борису и Глѣбу, гдѣ и живутъ до Преображенья, или до Успенья, а затѣмъ отправляются вверхъ по р. Пазѣ на озера Чалмо, Пейво, Вагъ и Пыръ для промысла сига, харіусовъ и кумжи, щуки и другой мелкой рыбы, служащей для ихъ собственнаго пропитанія ¹⁾).

¹⁾ Озера подѣлены по родамъ. Роды Афанасьевы, Лѣтовы, Ѳедотовы, Титовы,

Здѣсь они живутъ въ „кувокасахъ“, парусинныхъ палаткахъ, до конца октября, занимаясь дѣлежемъ оленей, затѣмъ, когда озера начинаютъ замерзать, лопари отходятъ внутрь страны и къ 1 января возвращаются въ зимній погостъ.

Примѣнительно къ такому образу жизни лопари ведутъ счетъ и временамъ года.

Лопскій годъ (Ihe) начинается приблизительно около сентября и первая часть года называется Виуръ (Vuogja—неводъ или Vuoggo семга, зимующая въ озерахъ). Въ это время, какъ сказано выше, лопари уходятъ на озера для осенняго лова рыбы.

Вторая часть года называется Колге (Golgok, Golgodet—изнуряться отъ соитія (разумѣя оленей).

Въ это время, въ началѣ октября, олени быки собираютъ около себя важенокъ (самокъ) ходятъ съ ними и защищаютъ ихъ, бросаясь на волка и человѣка и бодая врага рогами. Олень-быкъ (ирвась) держитъ около себя отъ 5 до 20 важенокъ.

Въ это же время и вскорѣ послѣ течки, которая продолжается около 2-хъ недѣль, оленей холостятъ. Поймавъ оленя на „чавостегу“ (веревка) длиною сажень 12, его валятъ на землю, надкусываютъ яица зубами и послѣ переламываютъ. Если при этомъ покажется кровь, то холощеніе не дѣйствительно.

Третья часть года называется Пазъ (Basse) и соотвѣтствуетъ нашему декабрю. Basse въ старину означало мѣсто жертвоприношеній, святилище, и теперь оно просто значитъ готовить мясо въ пищу. Въ это время колютъ оленей и ѣдятъ всласть мясо.

4) затѣмъ наступаетъ Фальва—зима.

5) и продолжается до прилета лебедей—Нюхче.

6) Послѣ Нюхче наступаетъ Виззи, что значитъ теленокъ. Въ это время рождаются телята.

7) Кидды (Gidda — привязывать). Въ это время производится дѣлежъ оленей и старые олени-вожаки держатся на привязи, чтобы стада не расходились и держались около нихъ.

8) Кулгъ (Guolgga—шерсть) называется такъ потому, что въ это время олени линяютъ.

9) Кесъ (Gæsse — лѣто).

Калинины, Герасимовы. Всего въ Пазрѣкѣ 29 семей и каждый самостоятельный членъ семьи имѣетъ свое родовое клеймо для подписи и для мѣтки своихъ бревенъ и оленей.

10) Пурги (?) означает время, когда олень начинает опустаться къ осени новой шерстью.

Не такъ давно еще лопарей считали вымирающей націей, но болѣе точныя статистическія данныя доказываютъ приростъ лопарскаго населенія тамъ, гдѣ оно не смѣшивается съ пришлыми элементами.

Лопари не вымираютъ, но они поглощаются своими сородичами, Финнами.

Въ Норвегіи лопари встрѣчаются до 62° с. ш., въ окрестностяхъ Røros, въ Швеціи до границы Jemteland, въ Финляндіи только около оз. Энаре и въ Россіи на Кольскомъ полуостровѣ.

Есть полное основаніе думать, что еще не такъ давно лопари жили въ Финляндіи гораздо южнѣе (мѣстечко Lappio въ Финляндіи, Lappagunda въ Эстляндіи), но очевидно финляндцы отодвинули лопарей на самый край Сѣвера, загнали ихъ къ предѣламъ океана и дали имъ то имя, которымъ мы ихъ называемъ и котораго сами за собой они не признаютъ. Сами себя лопари называютъ Sabme, имя одинаковое съ Suomi; слово же Лопарь происходитъ отъ финскаго корня lор, loар, что значитъ край, предѣлъ.

Характерно заселеніе Сѣвера финляндцами. Норвежцы и русскіе разсыпались, какъ чайки, по морскимъ берегамъ и живутъ почти исключительно моремъ. Финны двигаются на сѣверъ постепенно, не отрываясь отъ земли, расчищая лѣса, не покидая скотоводства и огородничества, отнимая у лопарей ихъ лучшіе уголья и сѣнокосы и лишь только дополняя свой бытъ занятіемъ рыбными промыслами. Финляндцы первые ввели въ Сѣверной Норвегіи и на Мурманѣ воздѣлываніе картофеля; лучшія колоніи на Мурманскомъ берегу основаны финляндцами. Затѣмъ финляндцы замѣчательны какъ колонисты, упорно сохраняющіе свою связь съ родиною, свой языкъ и нравы.

Поселеніе финляндцевъ въ Финмаркенѣ причиняетъ много безпокойствъ норвежскому правительству. Извѣстно, что колоніи финновъ въ Америкѣ и въ Канадѣ сохраняютъ свой національный характеръ. При шведскомъ королѣ Карлѣ IX, т. е. въ XVI вѣкѣ, горсть финновъ выселилась въ Швецію и основала близъ границы Норвегіи поселокъ Finskogen и до сихъ поръ эти финны отличаются отъ шведовъ своими нравами и обычаями.

Само собою понятно, что не подъ силу лопарю борьба съ такою сильною народностью, какъ финская, но въ настоящее время борьба эта ведется на вполнѣ культурныхъ началахъ, между тѣмъ

въ старыя годы, движеніе финновъ на Сѣверъ носило вполнѣ разбойничій характеръ и оставило въ лопаряхъ неизгладимыя воспоминанія.

Преданія о войнѣ съ Чудью¹⁾, какъ назывались на языкѣ лопарей племена, грабившія Лапландію и, преимущественно финны, передаются почти всегда съ указаніемъ географическихъ мѣстъ, съ весьма достовѣрными подробностями.

Жизненно правдивыя преданія эти являются въ устахъ лопарей живыми лѣтописями и дополняютъ сказанія „Калевалы“ о походахъ финновъ въ Pohjola (на Сѣверъ).

Преданія о набѣгахъ Чуди такъ еще живы, что когда пасторъ Stockfleth, въ 1841 г., пріѣхалъ на Чалмо озеро, то лопари разбѣжались, думая, что пришла Чудь. Рассказываютъ, что въ 1884 г., два туриста, говорившіе по-фински, заблудились въ Шведской Лапландіи и у истоковъ Kalikselven были застрѣлены лопарями, принявшими ихъ за Чудь.

Хорошо жилось, рассказываютъ лопари, въ старыя годы у озера Энаре, но пришла Чудь и жить стало опасно, такъ опасно, что люди не смѣли жить на землѣ, а хоронились въ ямахъ и въ амбарахъ. Ямы эти были круглыя или четырехугольныя и во множествѣ указываются по р. Пасвигу, въ Эльвенесѣ, Южномъ Варангерѣ, Киркенесѣ и по Мурманскому берегу. Діаметръ ихъ около 4 метровъ, глубина до 2. Полъ и стѣны выстланы берестомъ, на днѣ до сихъ поръ видны остатки рыбьихъ и звѣриныхъ костей.

Но даже и въ этихъ ямахъ они не могли быть покойны. Выходилъ изъ ямы дымъ, сидѣли тамъ беспокойно, слышался шорохъ, трава была кругомъ помята, Чудь тотчасъ открывала лопарей и убивала.

Рассказываютъ, что одна лопарка, желая спрясти подвязки для кумагъ (башмаки), привязала основу къ маленькой березѣ и, сидя въ ямѣ, начала плести, но шедшая мимо ямы Чудь тотчасъ замѣтила качаніе березки и открыла убѣжище лопарей.

А полчища Чуди приходили такъ часто одно за другимъ, что предки наши, рассказываютъ лопари, не успѣвали въ промежуткахъ сварить себѣ пици и била насъ Чудь такъ много, что подъ конецъ остался въ живыхъ только одинъ лопарь въ Альтекѣ, да одинъ въ Варангерѣ.

Единственнымъ орудіемъ противъ сильнаго врага у лопаря были

---

¹⁾ Чудь, Cútbe, Cude—врагъ, разбойникъ.

прирожденныя ему хитрость и находчивость и вотъ въ лопарскихъ преданіяхъ развивается цѣлая эпопея, героемъ которой является Лаурекашъ Laurekadsj, лопарь, служащій для Чуди проводникомъ и губящій ихъ своею хитростью.

Однажды привелъ Лаурекашъ Чудь на островъ Tsjuótboets-Suceloi („Сто сосновый“, при истокѣ Пазрѣки изъ Энаре), гдѣ росла морошка. Чудь наѣлась и улеглась спать, а одного оставили сторожить лодки. Сторожу также захотѣлось спать; онъ связалъ лодки вмѣстѣ и веревку, или лыко отъ послѣдней обвязалъ кругомъ пояса и заснулъ. Лаурекашъ подкрался къ нему, перерѣзалъ веревку, вскочилъ въ лодку и уплылъ со всѣми лодками прочь отъ острова. Черезъ недѣлю приходитъ Лаурекашъ на островъ посмотреть Чудь. Почти всѣ они лежали мертвые и только иные едва поднимали головы“.

Другой разъ, Лаурекашъ также былъ проводникомъ и осторожно провелъ Чудь чрезъ всѣ опасные водопады на р. Пазѣ. Когда они стали приближаться къ послѣднему „падуну“ Gœvnjes¹⁾, Чудь, слыша шумъ, пришла въ безпокойство, но Лаурекашъ успокоилъ ихъ, говоря, что никакого водопада больше нѣтъ, а шумъ идетъ отъ встрѣчи прѣсной воды съ соленою, такъ какъ они приближаются къ морю, и что теперь отъ него требуется особое искусство направить лодки. Онъ связалъ лодки вмѣстѣ и велѣлъ Чуди лежать лицомъ внизъ не двигаясь. Когда струя водопада захватила и понесла лодки, Лаурекашъ успѣлъ выскочить на берегъ, но въ то же время чудской атаманъ бросилъ въ него копье и ранилъ его въ ногу. Окровавленный приходитъ онъ въ „восточный“ русскій погостъ и застаеть лопарей, играющими въ мячъ. Они, видя на немъ кровь, приняли его за разбойника и хотѣли убить, но онъ разсказалъ имъ свой подвигъ, повелъ ихъ къ рѣкѣ и указалъ на массу чудскихъ тѣлъ, плывущихъ по теченію. Рука атамана съ мечемъ была выброшена на мель противъ Эльвенеса, отчего и мель эта до сихъ поръ называется Miennelajse (Svoerdskjœeret).

3) Лаурекашъ ночью связалъ Чудь въ „райду“ (рядъ оленей, запряженныхъ въ нульки) и ѣхалъ самъ впереди съ зажженнымъ берестомъ, указывая дорогу. Въѣхавъ на высокую гору Gevisbahut, около Учюка, онъ бросилъ своей факель внизъ и вслѣдъ за факеломъ вся райда сверглась въ пропасть.

4) Шла разъ Чудь мимо лопарской тупы и заглянула въ трубу.

¹⁾ Гдѣ теперь стоитъ церковь Бориса и Глѣба.

Лопарка, сидѣвшая у очага, увидѣла въ котлѣ отраженіе лица и, не говоря ни слова, хлопнула мужа рыбой по носу. Тотъ догадался въ чемъ дѣло и бросилъ въ огонь жиру. Огонь поднялся и опалилъ лица Чуди. Лопарь выскочилъ изъ тупы и убилъ Чудь.

5) Чудь пришла въ Нессебю, забрала всѣхъ лопарей въ одну избу и собиралась сжечь. Нѣкоторые успѣли, однако, спастись и побѣжали по льду на другую сторону залива въ Karlebunden, гдѣ жили русскіе¹⁾. Была свѣтлая лунная ночь. Чудь увидѣла бѣгущихъ по льду въ бѣлыхъ полушубкахъ русскихъ и страшно испугалась, принявъ ихъ за души умершихъ. Русскіе напали на Чудь и перебили ее.

6) Финляндцы запрещали Энарскимъ лопарямъ торговать съ Колянами. Однажды они настигли одного русскаго и убили. На другой годъ пришли русскіе и утопили въ озерѣ финляндцевъ. Въ Финляндію дошелъ слухъ, что утопили финляндцевъ лопари и большое чудское войско собралось для отмщенія. Лопари убѣжали въ Нявдему и когда стали перебираться на лодкахъ черезъ заливъ, то погоня за ними была настолько близка, что чудскія собаки показались уже на горахъ. Лопарей приняла къ себѣ одна старуха, сказавъ имъ, чтобы они не боялись Чуди, лишь сказали бы ей, когда Чудь станетъ переправляться на лодкахъ и будетъ по срединѣ залива. Сама она сѣла плести сѣти. Когда Чудь показалась, она вышла изъ вежи, сняла штаны и, нагнувшись задомъ къ Чуди навела такую страшную бурю, что на землѣ люди едва могли стоять и Чудь, конечно, потонула.

7) Пришла разъ Чудь въ Sundeqjeld, когда тамъ были только женщины и дѣти. Лопари были въ тундрѣ и дѣлили оленей. Женки думали какъ спасти мужей и придумали поставить по дорогѣ деревянныя фигуры и въ каждую воткнули ножъ. Мужья, кромѣ двухъ, однако, не догадались и пришли, и Чудь перебила ихъ съ женами и дѣтьми, оставили въ живыхъ только двухъ женокъ, самыхъ молодыхъ и самыхъ красивыхъ. Чудь сдѣлала прорубь въ озерѣ, утопила подъ ледъ изрубленные тѣла и собралась ѣхать.

„Милые вы наши, сказали имъ тогда женки, не ѣздите такъ, платье ваше запачкано кровью, дайте мы выстираемъ его сна-

---

¹⁾ Карелы, бѣжавшіе сюда въ 13 стол. при Наакон Нааконсен'ѣ отъ Монголовъ (?). Большую часть бѣжавшихъ въ Норвегію Кареловъ этотъ король поселилъ въ Malangenfjord, обратилъ ихъ въ христіанство и построилъ для нихъ церковь въ Vesteraalen (Harstandhavn?) Nord. Geschichte von A. L. Schlözer. Halle. 1771 S. 463.

чала въ рѣкѣ.“ Чудь тотчасъ раздѣлась до гола и отдала платье женкамъ. Дѣло было весною, въ рѣкѣ воды было много. Женки пошли на рѣку, бросили платье въ воду и рѣка быстро унесла его. Сами вскочили въ лодку и начали грести вверхъ по рѣкѣ. Чудь увидѣла ихъ, бросилась за ними какъ была, нагишомъ, и бѣжала за женками до ночи, а ночью „пала погода“ и Чудь замерзла. Женки укрылись въ одной пещерѣ до утра. На утро пошли въ лѣсъ, гдѣ стоялъ на соснѣ амбаръ (njalle) и гдѣ у нихъ были спрятаны припасы и одежда. Въ этомъ же амбарѣ спрятались ихъ мужья, которые поняли, что значить деревянныя фигуры съ ножами. Увидѣлъ одинъ изъ нихъ, что идетъ кто-то по лѣсу, схватилъ лукъ и хотѣлъ пустить стрѣлу, да другой остановилъ его „подождемъ, говоритъ, кто это идетъ, не женки ли наши?“. Посмотрѣли они, въ самомъ дѣлѣ идутъ ихъ женки, обрадовались, слѣзли внизъ, потерлись носами и пошли въ погость.

Мужья были между собою братья, а жены ихъ были между собой сестры, долго жили они счастливо и отъ нихъ произошелъ Сондельскій погость.

8) Разъ Лопскій король былъ въ тундрѣ около Каутокейно и встрѣтился съ Чудью, которая его не узнала и спросила гдѣ живетъ Лопскій король. Когда онъ отвѣтилъ утвердительно, Чудь обѣщала ему большую награду, если онъ сведетъ ихъ къ нему. „Это опасно, отвѣчалъ король, у него съ собой много народу, а я лучше приведу его къ вамъ сюда на озеро и вы встрѣтитесь съ нимъ какъ разъ по срединѣ на льду и ему некуда будетъ убѣжать.“

Послѣ заключенія такого условія, король ушелъ въ свой погость, собралъ людей и велѣлъ имъ надѣть кумаги (башмаки шерстью вверхъ, въ которыхъ можно также твердо ходить по льду, какъ и по землѣ) и вырубить каждому по дубинѣ. Самъ онъ кромѣ того взялъ бревно, гладкое, безъ сучьевъ. Когда лопари пришли къ озеру и увидѣли, что съ противоположнаго берега къ нимъ на встрѣчу идетъ Чудь, они положили бревно на ледъ и покатали его прямо подъ ноги Чуди, которая была въ обыкновенныхъ сапогахъ и попала, а лопари напали на нее и перебили дубинами.

Вотъ, въ видѣ примѣра, нѣсколько эпизодовъ, рассказываемыхъ лопарями о набѣгахъ Чуди.

Кромѣ Чуди у лопарей былъ еще врагъ Сталло. Чудь всегда приходила войскомъ. Сталло всегда являлся одинъ съ своей собакой. „Сталло“ означаетъ человѣка, закованнаго въ латы, и, если названіе Чудь относится главнымъ образомъ къ Финляндцамъ, то

Сталло представляет русскаго или норвежца, собирающаго дань, угнетающаго лопарей.

Сталло такой же человекъ, какъ я и ты, говорятъ лопари, но отъ дьявола дана ему большая сила и онъ можетъ дѣлаться оборотнемъ. Тѣла убитыхъ имъ людей онъ зарываетъ въ землю и самъ желаетъ быть зарытымъ въ землю (Лопари просто кладутъ умершихъ въ Кјоеггис и покрываютъ камнями, или просто оставляютъ подъ открытымъ небомъ).

Сталло дерется кулакомъ, а иногда царапается, кусается, пинается ногой, но убиваетъ всегда ножомъ. Ножомъ же надо и отъ него защищаться, такъ какъ кромѣ ножа его можно убить только серебряной пулей. Деньги Сталло всегда носить съ собою за спиной. Если убьешь Сталло, надо убить и его собаку, иначе она станетъ лизать его кровь и Сталло оживаетъ.

Противъ Сталло также всего удачнѣе дѣйствовать хитростью. Разказы о Сталло весьма многочисленны и разнообразны.

Не менѣе интересными представляются разказы лопарей, относящіеся къ первымъ временамъ принятія ими христіанства.

Первымъ изъ Энарскихъ лопарей принялъ лютеранскую вѣру извѣстный силачъ, знаменитый между лопарями Vuolab. Онъ боготворилъ одинъ камень, но, по совѣту пастора, однажды не послушался своего божества и пошелъ на ловъ въ совершенно противоположную сторону, а не въ ту, на которую ему указывало божество. Ловъ былъ удаченъ и камень потерялъ значеніе въ глазахъ Vuolab и онъ его разбилъ и сжегъ.

Не мало разказовъ сохраняется въ средѣ русскихъ, а также и норвежскихъ лопарей о первомъ проводникѣ православія, подобномъ Трифонѣ.

Въ Кјѳjord, какъ разъ противъ Nordre dergvaag, возвышается большой утесъ, называемый лопарями Аккобафт. Въ старину на этомъ утесѣ лопари приносили жертвы Акко (бабушка), женѣ Adja, самаго могущественнаго изъ боговъ, дабы получить богатую добычу отъ охоты на землѣ и на водѣ. Теперь, когда настала крестовая вѣра, они жертвъ больше не приносятъ, но Акко до сихъ поръ стоитъ на берегу въ видѣ большаго камня.

Жилъ святой Трифонъ, крестникъ Господа Бога. Онъ построилъ церковь въ Gœvnjes ¹⁾ и началъ проповѣдь противъ язычниковъ и колдуновъ. Когда онъ услыхалъ про то, что творится на Акко,

---

¹⁾ Пограничный водопадъ на р. Пазѣ.

поѣхалъ на лодкѣ изъ Gœvnjes по Bógfjord и Korsfjord въ Kjøfjord и увидѣлъ, что на Galtefjordnes собралось множество язычниковъ. На этомъ наволокъ ¹⁾ закололи они оленей и кебуны ²⁾ собирались нести мясо черезъ губу на Акко. Тамъ долженъ былъ быть обѣдъ и жертвоприношеніе.

Преподобный Трифонъ воспылалъ гнѣвомъ, приказалъ своимъ людямъ остановиться и, ставъ въ лодкѣ, поднялъ руки къ идолу и написалъ на его головѣ крестъ и крестъ запечатлѣлся на скалѣ и видѣнъ до сихъ поръ. Кебуны обратились въ каменья, а жертва ихъ въ прахъ и стоятъ они тамъ до сихъ поръ. Лѣтомъ, когда трава зеленѣетъ, зеленѣетъ она и на плечахъ кебуновъ на мѣстѣ жертвы, которую они несли.

Нельзя обойти молчаніемъ еще два довольно замѣчательные разсказа: Акковы острова и о. Кильдинъ.

Не были мы еще христіанами, а въ нашихъ погостахъ дикихъ оленей почти не было, или было, да очень мало. Въ Финляндіи же и въ Норвегіи дикихъ оленей было очень много. Вотъ и стали наши старики думать какъ бы сдѣлать, чтобы дикіе были и на нашей землѣ. Въ это время жили въ Печенкѣ, около становицы Вайдо-Губа, силачи-нойды, три брата и у нихъ была мать старуха (акка). Братья, какъ нойды, знали все и умѣли пособить горю. Вотъ однажды они и сказали матери и своимъ пріятелямъ: мы пойдѣмъ въ Норвегу и отрѣжемъ кусокъ земли, на которой бѣгаетъ много дикихъ оленей и приплывемъ сюда на этой землѣ со всѣмъ добромъ. Жизнь наша тогда пойдетъ богаче. Сказано, сдѣлано. Нойды отправились въ Норвегу. Мать старуха спитъ и видитъ во снѣ, что ея дѣти возвращаются на Норвежской землѣ съ оленями. Она вскочила, какъ шальная, побѣжала изъ тупы на пахту смотрѣть, какъ дѣтки ѣдутъ съ добромъ. Старуха увидѣла: земли идетъ много и гуль отъ храпѣнья и бѣгу оленьяго раздается далеко. Съ радости она запѣла: вотъ мои дѣтки ѣдутъ, вотъ они везутъ живота, везутъ оленей и важенокъ и отъ радости еще вскричала: не даромъ ихъ называютъ нойдами и силачами. Послѣ этого она сейчасъ же окаменѣла, окаменѣла и изба и остатки отъ нихъ, говорятъ, можно видѣть на земляномъ наволокъ и понынѣ.

Земля, плывшая по океану, отъ словъ старухи разорвалась на два острова и остановилась. Въ промежуткахъ между ними дѣти и все добро потонуло.

¹⁾ Мысѣ.

²⁾ Колдуны, жрецы.

Въ Печенгѣ и въ Колѣ въ это время, говорятъ, пр. Трифонъ многихъ лопарей уже просвѣтилъ крещеніемъ. Нойды или кебуны за это на него сердились, а также и на лопарей, которые крестились. И вотъ, на зло лопарскому апостолу и крещенымъ, они вздумали запереть Печенгскій и Кольскій валивы и для этой цѣли поплыли на отдѣлившейся землѣ къ заливамъ. Когда же нойды подъѣзжали къ заливамъ то ихъ замѣтили на берегу люди и закричали: земля идетъ! Люди кричавшіе окаменѣли, а земля остановилась и образовались острова Айковы и Кильдинъ ¹⁾).

Не указываютъ ли эти рассказы на то, что лопари обитали на Сѣверѣ во времена доисторическія и были свидѣтелями какого-то громаднаго геологическаго переворота? Это мнѣніе до нѣкоторой степени подтверждается, мнѣ кажется, и тѣмъ, что цѣпь горъ идущую отъ Kjólen къ Энаре, лопари зовутъ Suoelotsjilgi — Цѣпь Острововъ, вѣроятно, отъ того времени, когда сѣверъ Скандинавіи лежалъ подъ водой и эти горы возвышались надъ волнами въ видѣ острововъ.

Какъ профессоромъ Фрисомъ ²⁾, такъ и гг. Quigstad и Sandberg'омъ ³⁾ собрано, помимо историческихъ преданій, не мало сказокъ въ собственномъ смыслѣ, примѣтъ и повѣрій.

Лопари вѣрятъ, что мертвые продолжаютъ жить послѣ смерти точно также же, какъ жили на землѣ, ѣздятъ на оленяхъ и проч. Поэтому прежде на могилѣ покойнаго они закалывали оленя, теперь платятъ священнику за похороны непременно оленемъ. Небо полно предметами лопарскаго обихода. Большая Медвѣдица называется Dovgak—лукъ, созвѣздіе Оріона Skirak—лыжи, а Три царя или поясъ Оріона называется грузилами отъ невода.

По вѣрованіямъ лопарей, мертвые слышатъ людскую рѣчь, могутъ сдѣлать хорошую или дурную погоду.

Значительную часть лопарскихъ рассказовъ составляютъ рассказы объ искусствѣ волхвованія и о способности дѣлаться оборотнемъ по своей собственной волѣ и въ наказаніе за какое нибудь худое дѣло.

---

¹⁾ Записано свящ. Щеколдинымъ со словъ лопаря Василя Летова, а преданіе въ первый разъ онъ слышалъ отъ умершей 100 лѣтней дѣвицы Сусловой. Было помѣщено въ „Голосѣ“ въ 1883 г.

²⁾ Lappisk Mylholodi Eventyr og Folkeagn 1871.

³⁾ Lappiske Evenlyr og Folkesagn 1888.

Изъ этихъ разсказовъ я приведу одинъ, исполненный горькаго юмора надъ тою ужасающею бѣдностью и нищетой, которая вынуждаетъ лопаря оборачиваться медвѣдемъ, потому что лѣтомъ вездѣ кормъ, а зимой кормиться не надо.

На Suoelotsjilgis (острова) кочеваль лопарь по имени Irjan (Urje) съ женою Audne (Agnes) и двумя сыновьями Hendo (Генрихъ) и Gabe (Gabriele). У нихъ не было оленей или другого скота, жили они въ глухой пустынѣ и никогда не встрѣчали другихъ людей. Irjan былъ человѣкъ молчаливый, но добрый и смирный. Случилось однажды, что онъ ушелъ въ тундру и не возвращался нѣсколько дней. Жена стала очень беспокоиться и нѣсколько разъ послала своихъ сыновей посмотреть, не идетъ ли отецъ, но когда онъ возвратился домой, то никто не смѣлъ его спрашивать, гдѣ онъ былъ. Такой уже человѣкъ онъ былъ, что не любилъ разспросовъ.

Была поздняя осень. Листья попадали съ деревьевъ, настали темныя ночи и Irjan пропалъ снова. Жена искала его, искала, но не могла найти. Послала сыновей въ лѣсъ искать отца, но и они проходили напрасно.

Зима прошла, дни стали длиннѣе, снѣгъ растаялъ, настала весна и вотъ однажды дѣти увидѣли—идеть по тундрѣ отецъ, тихій такой, узналъ своихъ дѣтей, ласково сталъ говорить съ ними и пришелъ съ ними домой. Жена едва вѣрила, что Irjan пришелъ домой, обрадовалась ему, стала его разспрашивать, гдѣ онъ былъ, онъ ей ничего не разсказалъ.

Прожилъ онъ съ ними все лѣто, но только-что выпалъ первый снѣгъ, онъ опять исчезъ. На этотъ разъ одинъ изъ сыновей увидѣлъ, что отецъ ушелъ въ лѣсъ, и разсказалъ это матери. Пошла она сама по слѣдамъ мужа и дошла до высокой пихты. Здѣсь она увидѣла, что слѣды мужа шли, въ нѣсколько круговъ, кругомъ одного куста и дальше шли уже слѣды медвѣжьи. Стала женка ходить по мужнинымъ слѣдамъ кругомъ куста и вдругъ почувствовала, что обращается въ медвѣдицу. Поняла она тогда въ чемъ дѣло и пошла по медвѣжьимъ слѣдамъ дальше и дошла до берлоги. „Ой вой, вой“, закричалъ мужъ, увидя ее, зачѣмъ ты пошла за мной. Мы теперь не скоро опять сдѣлаемся людьми, а дѣти подумаютъ, что насъ съѣли медвѣди, придутъ сюда и убьютъ насъ. Дѣлать однако нечего, надо ждать прихода дѣтей. Тогда я выбѣгу прямо на Hendo и онъ убьетъ меня, а ты лежи смирно и жди, пока онъ не сниметъ съ меня шкуры и не разстелетъ ее по землѣ.

Тогда ты выбѣги изъ берлоги и старайся попасть на мою шкуру, и ты снова будешь человѣкомъ. Женка плакала, старалась уговорить мужа уйти съ нею въ тундру. Этимъ не спасемся, отвѣчалъ онъ, и они должны были остаться.

Трое сутокъ лежали въ берлогѣ Igjan и Audne. На третій услышали они, что далеко, далеко въ лѣсу кто-то кричитъ. Это были ихъ дѣти. Когда голоса стали слышны совсѣмъ близко, мужъ сказалъ женѣ: „дѣлай же, какъ я тебѣ сказалъ“, выбѣжалъ изъ берлоги и Hendo тотчасъ застрѣлилъ его стрѣлой. Когда онъ снялъ съ медвѣдя кожу и разостлалъ ее по землѣ, изъ берлоги выбѣжалъ другой медвѣдь, упалъ на шкуру и сдѣлался человѣкомъ, обратился въ ихъ мать. Когда она рассказала дѣтямъ, что они убили ихъ отца, они горько заплакали.

У ихъ матери осталась, однако, медвѣжья лапа, такъ какъ одна нога ея не попала на шкуру.

Въ этомъ разсказѣ рисуется примѣръ рѣдкаго между лопарями самопожертвованія. Въ противоположность ему, есть, мы знаемъ, случаи въ жизни лопарей, когда при перекочевкахъ они оставляютъ въ пустынѣ на произволъ судьбы больныхъ и престарѣлыхъ, которые не могутъ за ними слѣдовать.

Оборотнемъ же человѣкъ становится и въ наказаніе за свои дурные поступки. Распространенный въ Лапландіи родъ жука (*Silpha lapponica*), по вѣрованіямъ лопарей, прежде былъ женщиной и имѣлъ дочь. Обѣ они жили воровствомъ, но пока жили на землѣ, то все еще имъ сходило съ рукъ, но когда полѣзли на небо, то вышло имъ худо.

Жили они по сосѣдству съ одной женщиной. Сосѣдка была женщина смирная, добрая, но бѣдная и все ея имущество состояло изъ одной овцы. Однажды Hats jadne—такъ звали злую женщину—и говоритъ дочери: я такъ люблю свѣжее мясо, пойдемъ, когда настанетъ ночь, къ сосѣдкѣ и возьмемъ у нея овцу. Ночь пришла лунная, свѣтлая; Hats jadne и говоритъ дочери: возьми кадушку съ дегтемъ и мазилку, обернись птицей и лети къ мѣсяцу, замажь его дегтемъ, чтобы онъ не свѣтилъ намъ. Дочь взяла деготь, обернулась большою птицей и полетѣла на мѣсяцъ, но мѣсяцъ притянулъ ее къ себѣ и не отпустилъ, и до сихъ поръ, когда полный мѣсяцъ, видно ее тамъ съ кадучкой. Мать съ тѣхъ поръ обратилась въ *Silpha lapponica*.

Изъ лопарскихъ примѣтъ я могу здѣсь указать на то, что лопари опасаются нѣкоторыхъ птицъ: кукушки, голубя, кулика, бе-

каса. Они вѣрятъ, что если крикъ ихъ услышать на тощакъ, то случится, несчастье или смерть.

Для исцѣленія болѣзней, лопари прячутъ въ стѣны церкви деньги въ видѣ жертвы умершимъ родственникамъ. Когда недавно возобновляли церковь Rodepes, то въ стѣнахъ нашли 130 старыхъ норвежскихъ, датскихъ и шведскихъ монетъ. По свидѣтельству прежнихъ пасторовъ (Scheffer, Larroņa), лопари самое зданіе церкви считали особымъ божествомъ.

Кромѣ разсказовъ, имѣющихъ до нѣкоторой степени историческій характеръ, или характеръ вѣрованій, въ средѣ лопарей разсказывается не мало сказокъ, но, по мнѣнію норвежскихъ ученыхъ, въ большинствѣ случаевъ эти сказки заимствованы отъ норвежцевъ, финновъ или русскихъ. Это мнѣніе безспорно вѣрно въ отношеніи тѣхъ сказокъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются короли, королевичи, принцессы, поэтому, казалось бы, наибольшаго вниманія заслуживаютъ сказки, взятая изъ жизни животныхъ. Ихъ проф. Фрисъ считаетъ старѣйшими, но эти сказки очень немногочисленны, и замѣчательно, что въ нихъ олень, съ которымъ такъ тѣсно связана жизнь лопаря, почти не играетъ никакой роли. Это, по моему мнѣнію, также указываетъ на заимствованіе сказокъ изъ другой, не лопарской среды. Вообще, надо сказать, что лопари, при всѣхъ ихъ нерѣдко замѣчательныхъ умственныхъ способностяхъ, при крайней впечатлительности и воспримчивости, повидимому, вполне лишены творческой фантазіи: ихъ пѣсни поются самымъ однообразнымъ несложнымъ речитативомъ и носятъ исключительно самый неинтересный описательный характеръ. (Лопарь поетъ куда онъ ѣдетъ, на какой кережкѣ онъ ѣдетъ, на какомъ оленѣ, какой хомутъ на оленѣ, въ чемъ онъ самъ одѣтъ, какія у него ленточки на шапкѣ и т. д. и т. д.).

Какъ примѣръ заимствованія и пересказа, я приведу здѣсь записанный Quigstad'омъ разсказъ, напоминающій нашу былинку о Настасьѣ Микулишнѣ:

Жилъ былъ богатырь; искалъ онъ встрѣчи съ равными ему по силѣ и разъ увидѣлъ въ полѣ слѣдъ конскій. По слѣду было видно, что проѣхалъ тутъ человекъ сильный: ноги коня уходили въ землю по колѣно. Пустился богатырь догонять всадника, настигъ его и ударилъ сзади желѣзной палкой пять пудъ вѣсомъ. Всадникъ только почесался, да промолвилъ „ишь ты, вошь проклятая!“ Бросилъ богатырь палку, выдернулъ съ корнемъ березу и ударилъ снова всадника. Тотъ это только за блоху принялъ и ѣдетъ дальше.

Выхватилъ богатырь сосну и такъ треснулъ всадника, что лошадь споткнулась и всадникъ ткнулся носомъ въ землю. Тогда только замѣтилъ онъ богатыря, накинулъ на него арканъ изъ толстой проволоки, привязалъ къ лошади и поѣхалъ дальше въ лѣсъ.

Приѣхали къ избѣ. Всадникъ слѣзъ съ лошади и крикнулъ: „Батюшка, привезъ я къ тебѣ гостя!“ — „Веди его сюда“, отвѣчалъ ему отецъ изъ избы. Тогда всадникъ переодѣлся въ женское платье, такъ какъ это была женщина, отвязала она богатыря, ввела въ домъ и дала ему ѣсть.

Прожилъ онъ съ ними нѣкоторое время и говоритъ старикъ-отецъ богатырю: „женись на моей дочери“. Не очень-то обрадовался богатырь, да дѣлать нечего, женился. На свадьбѣ они здорово выпили. Молодые выпивали по полу-анкерку за одинъ духъ, старикъ выпивалъ по цѣлому.

Родился у нихъ сынъ, выросъ и сталъ ходить съ отцемъ на охоту. Одинъ разъ пришли безъ нихъ 12 разбойниковъ и стали просить у хозяйки ѣсть. Наѣлись, а потомъ видятъ, что въ домѣ одна женщина, стали забирать себѣ все добро, что было въ домѣ. Разсердилась хозяйка, схватила клюку, загребла всѣхъ разбойниковъ въ печку и закрыла заслонкой.

Пришли съ охоты отецъ и сынъ, узнали въ чемъ дѣло, открыли печку и предложили разбойникамъ служить у нихъ и помогать имъ охотиться. Тѣ согласились. На слѣдующій день отправилъ онъ съ ними на охоту сына. Послѣ охоты сынъ заснулъ. Тогда одиннадцать разбойниковъ сговорились убить его. Срубили сосну и хотѣли повалить ее на него, но двѣнадцатый разбойникъ разбудилъ спящаго. Тотъ вскочилъ, отбросилъ одной рукой сосну и заставилъ разбойниковъ идти съ нимъ къ его отцу. Отецъ сильно разсердился и хотѣлъ сейчасъ же убить всѣхъ разбойниковъ, но сынъ просилъ оставить въ живыхъ одного, спасшаго ему жизнь. Отецъ не хотѣлъ, тогда сынъ спряталъ этого разбойника за пазуху и тѣмъ избавилъ его отъ смерти.

Отъ этихъ силачей и происходитъ весьма распространенный въ Сѣверномъ и Южномъ Варангерѣ родъ „Силиныхъ“, или по норвежски „Stærk“.

Вотъ краткій очеркъ того внутренняго міра, который до сихъ поръ живетъ въ душѣ лопарей, народа слабаго и малочисленнаго, но крайне полезнаго для нашего дальняго Сѣвера.

Но стоитъ-ли заниматься такимъ ничтожнымъ, малочисленнымъ

племенемъ, которое не имѣетъ будущности и безнадежно поглощается сильною финскою народностью?

Не смѣю рѣшать вопроса о томъ, какое мѣсто и значеніе можетъ быть отведено лопарской народности въ средѣ другихъ родственныхъ съ нею племенъ: финляндцевъ, эстовъ, венгерцевъ и другихъ угро-тюркскихъ народовъ, но смѣю надѣяться, что доживу до того времени, когда въ здѣшнемъ университетѣ будетъ учреждена кафедра финскаго, а слѣдовательно и лопарскаго языка и когда Россія, создавая изъ Финляндіи новую политическую единицу и вызвавшая къ жизни новую народность, пожелаетъ, наконецъ, ознакомиться съ этою, самою для насъ малоизвѣстною, частью Имперіи.

Съ точки зрѣнія практической, могу смѣло заявить, что присутствіе лопарей на Сѣверѣ крайне необходимо. Необходимо потому, что мы, европейцы, заселяя Сѣверъ, должны еще многому учиться у лопарей какъ жить на Сѣверѣ и примѣняться къ его суровой природѣ. Съ нашею европейскою обстановкою мы можемъ жить только у моря, въ городахъ, но лишь только пожелаемъ уйти въ глубь страны, необходимо должны обратиться въ лопаря, одѣтъ его превосходную, самую практичную для Сѣвера одежду и учиться у него приѣмамъ оленеводства, которое надолго, если не навсегда, останется самымъ существеннымъ для Сѣвера вопросомъ въ смыслѣ путей сообщенія. Ни конные пути, ни желѣзныя дороги не могутъ соперничать съ путями оленьими. Въ скоромъ времени желѣзная дорога пересѣчетъ Лапландію, норвежское правительство построило уже не мало шоссейныхъ дорогъ въ Финмаркенѣ, финляндскій сенатъ ежегодно ассигнуетъ 20.000 марокъ на проложеніе дорогъ въ Лапландіи и тѣмъ не менѣе лошадь, а ужъ тѣмъ болѣе паровозъ не можетъ замѣнить оленя. Поясню это при мѣромъ. Нынѣшней весною я проѣхалъ на оленѣ черезъ Финляндскую Лапландію въ Норвегію и легко понять мою радость, когда послѣ долгаго странствованія въ пустынѣ, я увидѣлъ телеграфные столбы и добрался до шоссе, по которому не разъ ѣздилъ съ полнымъ комфортомъ лѣтомъ; весною дѣло оказалось другое. Моя почтовая лошадь съ первыхъ же шаговъ стала проваливаться по брюхо въ снѣгъ и скоро выбилась изъ силъ. Надо было снова надѣтъ лопскій костюмъ и взять оленя. На немъ легко и скоро достигъ я города Вадзэ, конечной цѣли моего путешествія.

Перепечатано, по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго
Общества, изъ XXV тома „Извѣстій“ Общества. | 889

